

Чудь заволочская*

Е. А. Рябинин

Евгений Александрович Рябинин, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. Основные темы исследований: Северная Русь и ее соседи; финно-угорские и славянские племена эпохи средневековья; языческие культуры народов Восточной Европы; процесс урбанизации в Балтийском регионе. В течение 20 лет ведет археологические работы по изучению средневековых памятников на территории Ленинградской, Костромской и Ивановской областей.

В ЛЕТОПИСНЫХ источниках содержится только одно упоминание о дорусском населении Заволочья, включенное в этнографическое введение Начальной русской летописи при перечислении «всех языцей Афетовой части»: «меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра...»¹ Эта вставка была сделана около 1113 г. при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-этнографического характера предположительно восходят к более раннему источнику.

«Чудь» обитала «за Волоком» — в землях, располагавшихся на путях славянского освоения Русского Севера. В современных разработках обосновано положение о локализации Заволочья в западной (левобережной) части бассейна Северной Двины, причем для XI—XIII вв. установлена связь этого историко-географического термина с областью по течению Ваги, для XIV—XV вв. — с Поважьем и нижним Подвиньем². Реконструируемая зона обитания чуди не исключает возможности ее проживания и на соседних территориях.

Исторические судьбы коренных обитателей Русского Севера неразрывно связаны с процессом формирования его современного — севернорусского — населения. Об этом свидетельствуют письменные источники средневековой эпохи, повествующие о совместном проживании чуди и русских новопоселенцев на обширной территории от Каргопольского края до Подвинья, и распространенный в том же ареале пласт фольклорных преданий об исчезнувшей чуди. Дорусский компонент наложил определенный отпечаток на язык, материальную и духовную культуру современных обитателей края; с его наследием связываются некоторые антропо-

© Рябинин Е. А. Чудь заволочская.

* Продолжение. Начало серии очерков этого автора о финно-угорских племенах, обитавших в пределах средневековой Руси, см.: Водь // Природа. 1992. № 3. С. 78—86; Ижора // Природа. 1992. № 9. С. 82—89; Весь // Природа. 1993. № 1. С. 86—93.

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л., 1950. С. 10.
² См. об этом: Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103—108.

логические особенности части севернорусского населения. О былом проживании здесь особых в этноязыковом отношении группировок свидетельствует древний пласт гидронимических и топонимических названий.

На основе анализа субстратной топонимики и фольклорных преданий выдвинуто положение о прибалтийско-финской принадлежности дорусского населения Заволочья. Многими исследователями, лингвистами и этнографами (М. А. Кастрен, Д. В. Бубрих, Б. А. Серебренников, А. И. Попов, В. В. Пименов, А. И. Туркин), предполагается его формирование в результате относительно позднего продвижения на восток веси (вепсов) и отчасти карел. По мнению Пименова, начальное проникновение в некоторые районы Заволочья относится ко времени не позднее VIII—IX вв. В средневековую эпоху чудь «не представляла собой единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготившими к водным путям сообщений»³. При этом подразумевается, что до появления новопоселенцев территория была пустынной и на ней могли проживать лишь редкие группы кочующих саамов.

Оригинальная этнолингвистическая концепция развития и смены языковых общностей в рассматриваемом регионе создана на материалах субстратной топонимики А. К. Матвеевым. Им выделен мощный пласт гидронимов с формантом -нга (-еньга), характеризующийся компактным ареалом, массовостью и фонетической близостью топонимов. В основном они концентрируются в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухой, документируя проживание в исторической области Заволочье с прилегающими территориями чуды заволочской. Язык последней, отнесенный Матвеевым к особой севернофинской группе древних племен, значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков, занимая «как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками»⁴.

По наблюдениям того же автора, вырисовывающаяся этнолингвистическая картина осложнена наличием в некоторых районах еще одного топонимического пласта, перекрывающего севернофинский и предшествующего распространению здесь русских названий. Об этом свидетельствуют мате-

риалы микротопонимики (преимущественно названия населенных пунктов и урочищ), образующие локальные, но плотные ареалы топонимов прибалтийско-финского происхождения. Их появление связывается с последующим проникновением в Заволочье карело-финских групп, среди которых, возможно, были и «племена, говорившие на языках, промежуточных между карельским и вепским, или вообще неизвестных ныне прибалтийско-финских языках»⁵. Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в восточном направлении происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнездами.

Несмотря на значительные различия в оценке языковой и этнической принадлежности дорусского населения Заволочья, основной вывод о его родстве или, по крайней мере, близости к прибалтийским финнам, разделяют почти все современные исследователи. Последнее не исключает присутствия в том же регионе иных этнических групп — саамов, волжских финнов и древних пермяков.

Сложность изучения проблемы чуды заволочской обусловлена слабой изученностью археологических памятников Подвинья. При этом древности I тысячелетия н. э. остаются по существу неизвестными. Последнее обстоятельство объясняется как крайней разреженностью заселения и малочисленностью популяций, расseyанных на обширных пространствах, так и археологической невыразительностью бедных металлом памятников раннего средневековья. Лишь с XI в. здесь выявляются немногочисленные чудские памятники, в сложной по составу культуре которых отразилась история аборигенов края, постепенно втягивающихся в многообразные связи с Русью. Вследствие этого и этнокультурная интерпретация археологического материала XI—XIV вв. возможна лишь в общем контексте с процессом древнерусского освоения Севера.

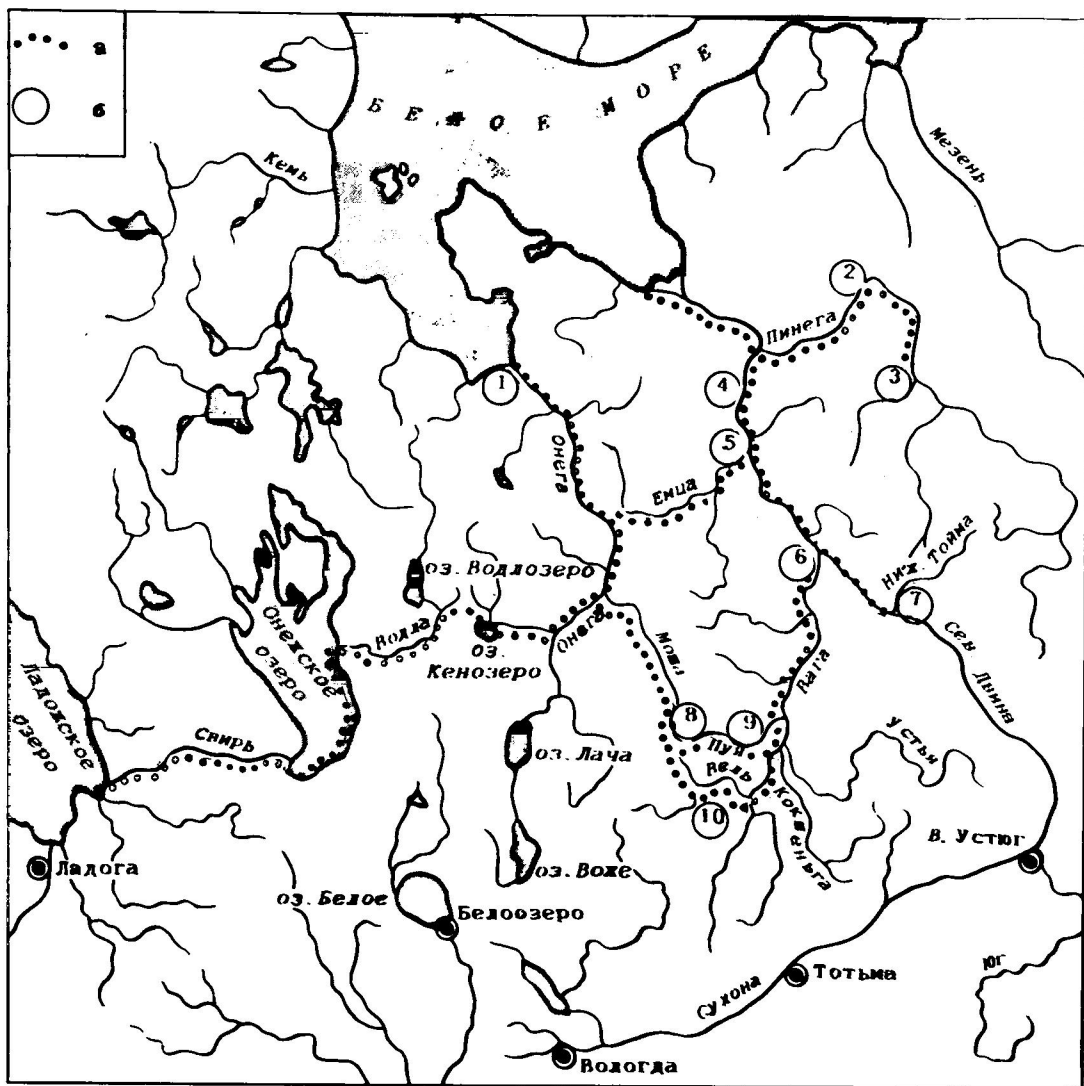
ЗАВОЛОЧЬЕ НА ПУТЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Вопросу о характере, путях и времени освоения севернорусских территорий посвящено большое число исторических и истори-

³ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965. С. 164.

⁴ Матвеев А. К. К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.—Л., 1964. С. 191.

⁵ Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вopr. языкознания. 1964. № 2. С. 83.

Заволооче на путях ладожско-новгородской колонизации: а — основные пути освоения Заволочья; б — локализация погостов Уставной грамоты Святослава Ольговича 1136—1137 гг. [1 — «на море», 2 — «в Пинеже», 3 — «в Кетреже», 4 — «на Ракуле», 5 — «устье Емце», 6 — «устье Вага», 7 — «в Тойме», 8 — «на Волоце в Моши», 9 — «у Пумте», 10 — «у Вели»].

ко-географических исследований. Установлено, что активная роль при этом принадлежала тем потокам, которые направлялись из Новгородской земли и Ростово-Суздальского (Владимирского) княжества и были известны под названием «новгородской» и «низовской» колонизации.

Древнейшим историческим документом, фиксирующим распространение новгородского влияния на Заволожье, является грамота князя Святослава Ольговича 1136—1137 гг. об отчислении в пользу церкви св. Софии в Новгороде даней, собираемых на территории от Ладожского озера до устьев Онеги и Двины⁶. При этом источник отражает традицию предшествующего времени, установленную еще «при дедах и прадедах». На начальном этапе ведущая роль в освоении Севера принадлежала Ладоге — крупному торгово-ремесленному

⁶ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 148.

поселению, занимавшему в VIII—X вв. исключительно важное положение на перекрестке водных путей. Именно в этом городе любознательный летописец услышал и записал в 1114 г. рассказ о том, как «еще мужи старии ходили за Югру и Самоядъ», достигая при этом отдаленных земель Северного Приуралья⁷.

Направление, по которому шло распространение ладожско-новгородской дани, восстанавливается по погостам-становищам грамоты Святослава и некоторым археологическим данным. Западный отрезок пути пролегал по р. Свирь с выходом в Онежское озеро и далее на р. Онеги. С Онеги по ее правому притоку — р. Моше, верховья которой сближаются с р. Велью, через волок можно было попасть в бассейн Вели. Именно здесь располагалось становище, упомянутое в грамоте 1136—1137 гг., — «на Волоце в Моши».

Еще одно ответвление начиналось ниже по течению Онеги, где использовался волок к р. Емце, впадающей в Северную Двину; этот путь фиксирован погостом в «устье Емце». Наконец, следуя к устью Онеги, осуществлялся выход к побережью Белого моря.

В перечне становищ XII в. легко локализуются пункты, топографически привязанные к течениям рек: на устье Ваги, на Пуе («Пуите»), Вели, Пинеге и Тойме. Ряд местностей предположительно расшифровывается по сохранившимся топонимам: это Ракула в нижнем течении Двины, Кегрола и, возможно, «у Вихтуя» на средней Пинеге. Очевидно, северо-восточные пределы новгородского освоения того времени ограничивались Двиной с ее правыми притоками Пинегой и Тоймой, достигая на юге р. Сухоны.

С середины XII в. в летописях появляются первые упоминания о действиях ростово-суздальских князей, связанные с Заволочьем. В 1178 г. в низовьях Сухоны припадении в нее р. Юг был заложен форпост «низовской» колонизации — Великий Устюг. Во второй половине XII в. происходит раздел Заволочья на две зоны освоения: западную — новгородскую и восточную — верхневолжскую.

Археологические материалы, документирующие начальный процесс древнерусского освоения края, незначительны. В бассейнах Двины и Ваги собственно славянских поселений и могильников XI—XIII вв. пока не выявлено, а известные здесь довольно многочисленные городища относятся уже к

XIV—XV вв., представляя собой сельские укрепленные центры формирующихся феодальных вотчин. Лишь единичные клады монет свидетельствуют о том, что Заволочье не позднее первой половины XI в. было включено в сферу западной торговли. Основные сведения об этнокультурной ситуации того времени заключены в древностях, связанных с местным финно-угорским населением.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ЧУДИ ЗАВОЛОЧСКОЙ

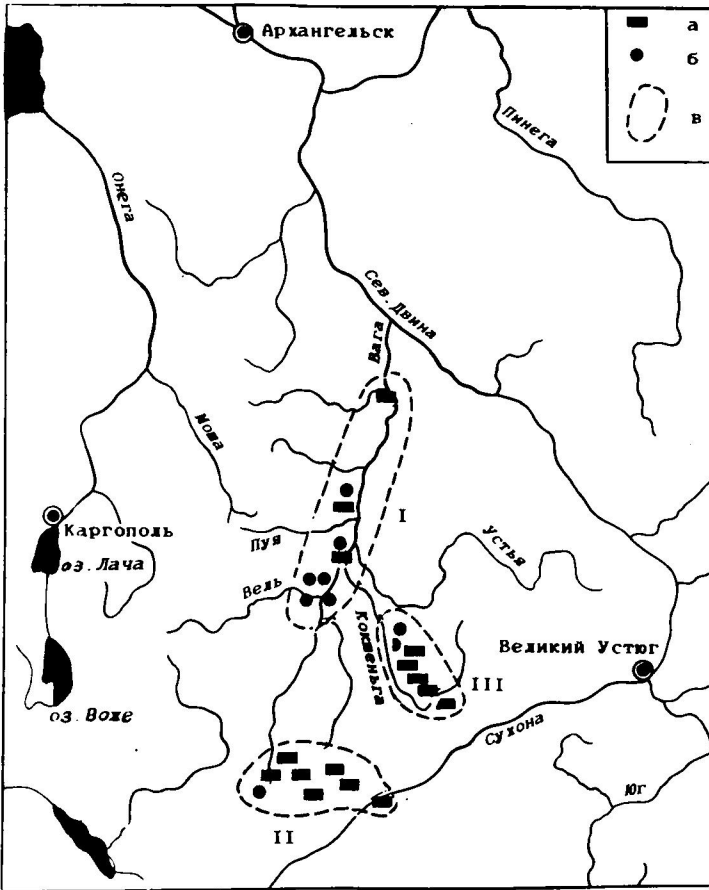
Первые находки средневековых древностей в западной части Подвинья были сделаны еще в конце прошлого столетия, но они по существу не учитывались. Не привлекли должного внимания и материалы раскопок чудских могильников, которые были осуществлены в 1920-е годы Н. А. Черницыным. Лишь с возобновлением нового цикла полевых исследований (работы Н. В. Гуслистова, В. А. Назаренко, О. В. Овсянникова) этот важнейший вид археологических источников начал использоваться для разработок историко-культурных и этнических вопросов⁸.

В пределах рассматриваемой территории намечаются три территориальные группы финно-угорских могильников и кладов вещей — в среднем течении Ваги, в междуречье верхней Ваги и средней Сухоны, в среднем течении Кожшеньги. Каждая из них имеет яркие отличительные особенности, обладая вместе с тем и чертами сходства.

На средней Ваге исследованы захоронения в небольших бревенчатых срубках, помещенных в ямы на глубину около 1 м. В некоторых случаях конструкции сохранились на высоту до пяти венцов; сверху они были перекрыты деревянной кровлей, проложенной берестой и засыпанной землей. Такие срубы — своеобразные «домики мертвых» — очевидно, и обусловили возникновение у пришлого населения устойчивого цикла преданий о вымершем чудском народе, некогда жившем в землянках («чудь в землю ушла»; «чудь под землю пропала»; «чудь живьем закопалась» и т. д.). В XI — начале XII в. на Ваге сохранялся биритальный обряд погребения (кремация — трупосожжение и ингумация — труполо-

⁸ См.: Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Археологические памятники Чуды Заволочской // Сов. археология. 1984. № 4. С. 197—216; Они же. Чудь заволочская // Финны в Европе VI—XV вв. Прибалтийско-финские народы. Вып. 2. М., 1990. С. 93—101; Голубева Л. А. Чудь заволочская // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 64—66.

⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 197.

Территориальные группы чудских памятников в Заволочье: а — грунтовые могильники; б — клады вещей; в — ареалы локальных групп (I — бассейн средней Ваги, II — междуречье верхней Ваги и средней Сухоны, III — бассейн Кокшениги).

жение); в XII—XIV вв. происходит полный переход к ингумациям (ориентировка умерших южная и юго-восточная; не ранее конца XII в. появляются захоронения, обращенные головой к западу).

В грунтовых могильниках XI—XIV вв. остальных территориальных групп также встречаются кремация и ингумация (наряду с западной представлена южная и юго-восточная ориентировка умерших). Вместе с тем бассейн Кокшениги выделяется распространением такой ритуальной традиции, как покрытие могил каменными вымостками или их забутовка валунами, а междуречье Ваги и Сухоны — свойственным только этому региону помещением останков кремации в миниатюрные и незначительные по глубине округлые ямки.

Заметные различия, становившиеся и при обращении к сложной по составу материальной культуре Заволочья. Прежде всего обращает на себя внимание явное преобладание прибалтийско-финского ком-

понента на средней Ваге. Именно здесь сконцентрированы древности, связанные по происхождению с областями расселения летописной веси (Приладожье — Белозерье) и с еще более отдаленными землями Прибалтики и Фенноскандии. Весьма существенно, что эта культурная особенность местной группировки сочетается с распространением здесь обряда погребения в «домиках мертвых». Сходные захоронения известны у некоторых прибалтийско-финских племен северо-западного и восточного Приладожья. С участием прибалтийских финнов в формировании западных групп коми-зырян связано появление одновенцовых срубных конструкций на грунтовых могильниках средневековых пермян в бассейне р. Вычегды⁹. Вполне очевидно, что население среднего Поважья в этническом плане значи-

⁹ Савельева Э. А. Прибалтийско-финский компонент в этногенезе коми-зырян // Древности славян и финно-угров. Л., 1992. С. 129—134.

тельно отличалось от обитателей остальных регионов Заволочья.

Однако этот, казалось бы не вызывающий сомнения, вывод вступает в определенное противоречие с другими археологическими наблюдениями. Выясняется, что всем локальным группировкам присущи общие культурные признаки, не сводимые только к заимствованиям. Наиболее ярко они проявились в оформлении единого этнографического убора. Это и своеобразный головной убор из кожи или ткани с металлическими элементами орнаментации; и распространение ложновитых проволочных колец, а также пластинчатых лунничных серег; использование подковообразных пряжек со слитыми головками (примеры можно продолжить). Ареал таких древностей охватывает обширную территорию от Восточного Прионежья (Каргопольский край) до Ярославско-Костромского и Марийского Поволжья. В отдельных случаях их появление было обусловлено торговыми контактами, однако сам факт сложения общих культурных элементов в условиях традиционного прибалтийско-волжско-финского взаимодействия сомнений не вызывает. Особенно показательно использование чудью спиралевитых круглых украшений для декора обуви. Такое функциональное назначение широко распространенного типа изделий резко отличает местное население от соседних прибалтийско-финских и пермских племен, сближая его вместе с тем с поволжскими финнами — предками мари.

В чем же заключается разгадка противоречивого конгломерата признаков, выявляемых при сопоставлении археологических материалов Подвинья? Наиболее перспективными в этом отношении представляются положения этнолингвистической концепции Матвеева, изложенные в начале очерка. Очевидно, на территории Заволочья действительно проживала особая севернофинская группа племен, составившая своего рода языковую и культурную «непрерывность» между прибалтийскими и волжскими финно-уграми. Дорусские обитатели края распались на ряд локальных родоплеменных образований, не составивших сколько-нибудь консолидированную чудскую общность.

Их последующей этнической дифференциации способствовало продвижение на восток собственно прибалтийско-финских — веско-карельских — коллективов. Преимущественное оседание последних на средней Ваге привело к ассимиляции северных финнов, хотя местное наследие продолжало проявляться в общих для всего Заволочья элементах материальной культуры. Обитате-

ли остальных регионов в основном сохранили древние севернофинские традиции. Дальнейшие судьбы дорусского населения Подвинья определялись характером его взаимодействия со славянским миром.

ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ И СЛАВЯНЕ

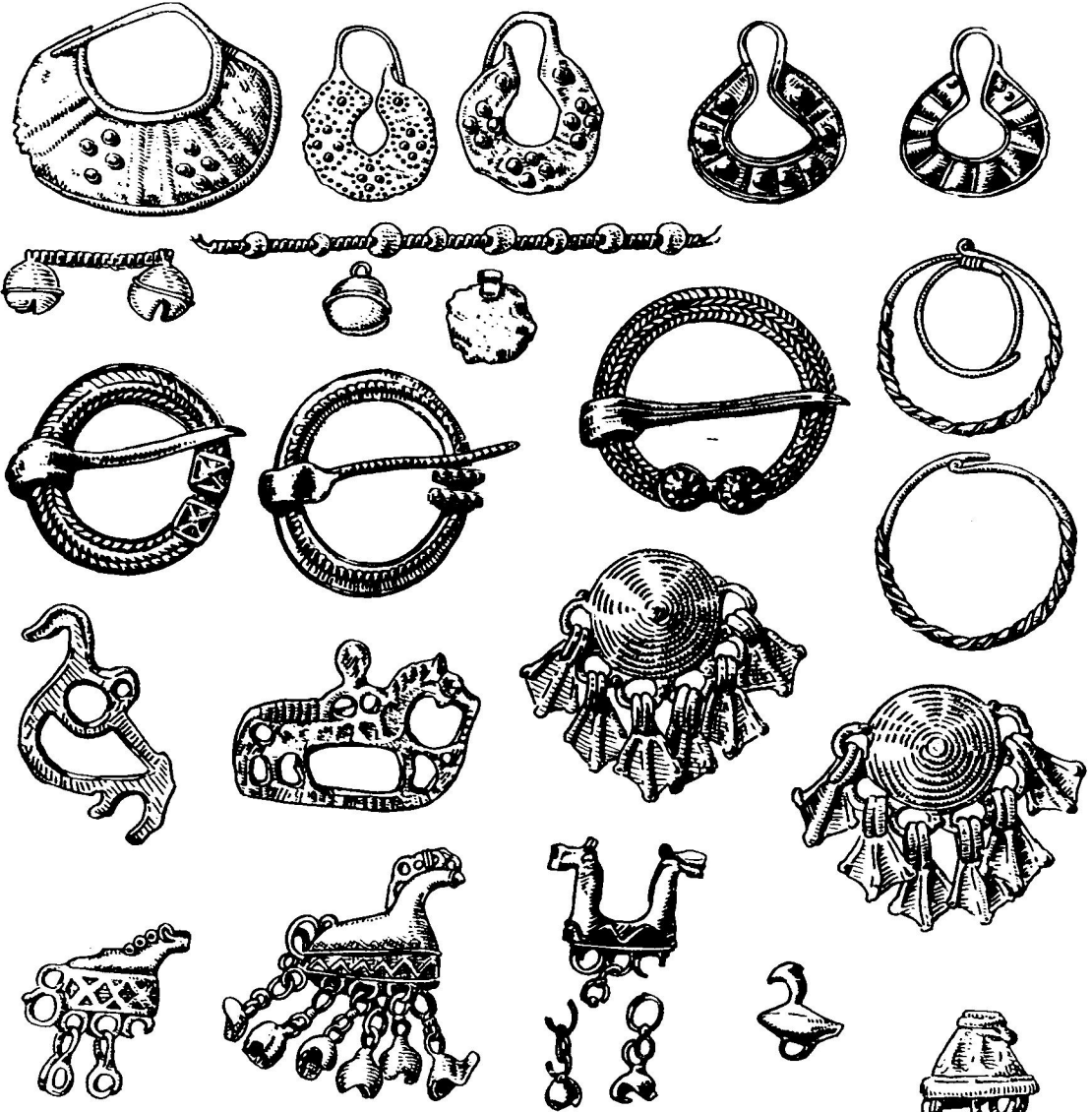
Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже на материалах наиболее ранних чудских памятников XI — начала XII в. На первом этапе они выражались в проникновении в Подвинье славяно-русских изделий — украшений, орудий труда, бытового инвентаря, использовавшихся в качестве эквивалента в пушной торговле. О характере такого обмена красноречиво повествует помещенный под 1096 г. в летописи рассказ новгородца Гюраты Роговича о походе в далекую Югорскую землю: «...и есть не разумѣти языку ихъ, но кажиють на желѣзо, и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли секиру, и оми дають скорою [меха.— Е. Р.] противу»¹⁰.

Примерно с конца XII — начала XIII в. наблюдаются явления, уже не сводимые только к сбору даней и дальней торговле. Именно к этому времени относится появление в чудских погребениях древнерусской гончарной керамики, бытующей наряду с местными сосудами ручной лепки. Тогда же аналогичная посуда проникает далее на восток, в земли перми вычегодской. Производилась ли такая керамика славянскими мастерами или же изготовлялась чудью, воспринявшей качественно новую технику гончарного производства, — в любом случае этот факт свидетельствует о непосредственных контактах финно-угров с новопоселенцами, оседавшими в чудской среде или в ближайшем соседстве с аборигенами.

Не менее существенными представляются изменения в традиционной погребальной обрядности — распространение несвойственной дорусскому населению западной ориентировки умерших, сочетающееся с явным обеднением инвентаря. К XIII—XIV вв. относится и деятельность первых христианских миссионеров, проповедовавших новую религию среди «заблудящей чуди». Далеко не случайно, что в это время на западе Подвинья появляется значительная серия погребений с натальными крестами и образками, которые вряд ли использовались лишь в качестве украшений.

Археологические данные вполне согла-

¹⁰ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 167—168.

0 5см

0 10см

Находки из могильников чуди заволочской.

суются с общей исторической ситуацией на севере средневековой Руси. Рассматриваемый период ознаменован формированием в Заволочье новгородских феодальных вотчин, сочетающимся с началом массовой крестьянской колонизации. В связи с этим следует упомянуть интереснейший исторический документ — мировую грамоту 1316—1318 гг., заключенную боярином Василием Матфеевичем с чудскими старейшинами о покупке им Шенкурского погоста¹¹ (кстати, полностью соотносимого с локальным скоплением финно-угорских памятников на средней Ваге). Тот факт, что староста Азика и другие поименованные в грамоте лица выступают от имени своей «братьи», указывает на сохранение в местной среде патриархально-родовых отношений, основанных на существовании отдельных семейных общин.

Со второй половины XIII в. резко активизируется «низовская» колонизация Подвинья. Монголо-татарское вторжение 1238—1240 гг. в верхневолжские княжества определило отток на север широких крестьянских масс и передвижку туда мелких княжеских родов. Заволочье постепенно все в большей степени превращается в арену деятельности ростово-суздальского (владими́ро-московского) домена. Появление здесь групп относительно независимого и самостоятельного населения (летописные «двиняне», «важане», «пинегжане», «вычегжане» и др.), изначально тяготевших к Ростову, обосновано расценивается исследователями как результат слияния местных чудских коллективов с неоднородными в этническом отношении — славяно-финскими — выходцами из поволжских областей.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. С. 279—280.

Характер и темпы ассимиляции аборигенов края определялись конкретными условиями их сосуществования с новопоселенцами. О длительном сохранении самобытности чуди в бассейне средней Ваги свидетельствует Житие Варлаама Важского (умер в 1467 г.), составленное в конце XVI в. В беломорских грамотах XVI в. содержатся данные об особом «чудском постое», который взимался властями с местного населения на пути проезда из охотничьих угодий чуди в Новые Холмогоры (Архангельск). В рукописи Ричарда Джемса 1618—1620 гг. упоминается так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; теперь там больше не находится¹².

Можно согласиться с мнением известного историка М. В. Витова, что ассимиляция значительной части чуди заволочской завершилась к XVI—XVII вв., «хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая, скорее всего, не была единой) сохранялись до XIX в.»¹³. Это, в свою очередь, подразумевает включение определенного местного компонента не только в состав средневековой русской народности, но и его непосредственное участие в формировании современной севернорусской общности. Последнее вполне согласуется с материалами этнографии, фольклора, лингвистики и антропологии Русского Севера.

¹² С и м о н и П. К. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах. Из рукописи 1618—1620 гг. // Сборник Ленинградского общества по изучению культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. Л., 1929. С. 126.

¹³ В и т о в М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962. С. 71—72.